

Бухгалтер Лия Леонтьевна (Юдолейбовна).

Я из еврейской семьи, мои родители жили в Самаре, но там к евреям было не совсем хорошее отношение. Это связано с „чертой оседлости” и мои родители в конце прошлого века переехали в г. Томск. Здесь сложилась крепкая и многочисленная еврейская община. Папа занимал в ней не последнее место, он был там вроде казначея.

Семья у нас была большая, детей у родителей было много, но жили мы до революции хорошо. Скромно, экономно, но обеспеченно. Мама шила одежду нам сама, одевала нас хорошо. По воскресеньям ходила на базар, закупала продукты, там дешевле, чем в магазинах. Колбасу брали такую: обреза, это маленькие кусочки, от большого батона кусочек отрежут, все остальное считается обрезаю. Колбасные обрезки продавались по 3 копейки фунт. В общем, продуктов набирали на неделю. Меня родители особенно любили, как девочку, а еще у меня были братья.

В Томске, когда старший брат стал совершеннолетним, должен был уехать на 3 года в другое место жить, потом вернуться. Это такое правило на евреев распространялось, на мужчин, чтобы вроде как от общины оторвать. Это государство придумало. В отношении всех евреев так было, а больше, никакого угнетения, как евреи, мы в Томске не испытывали, наоборот община иной раз больше угнетала. Я училась в гимназии, отличницей была, мне все легко давалось, все предметы, гимназия была женская.

Отец был ювелир, крупный для Томска. Работали в мастерской, и даже дома. Жили мы тогда там, где сейчас улица Шишкова. Но квартира была арендованная. Не помню, собирался ли отец свой дом построить, наверное, нет, и так было хорошо.

Ювелирная мастерская и тут же ювелирный магазин – лавка находились, где сейчас магазин „Комиссионный”, в этом доме, около кинотеатра „им. Горького”, по правой стороне улицы Ленина. Мастерская и лавка принадлежали нам, наше было. Каждый второй житель Томска в наших обручальных кольцах ходил.

Как еврейская община Томска влияла на жизнь евреев? Ну, вот в 1916 г. встретила я молодого человека, Алешу. Он был поручиком Лейб-гвардии Преображенского полка, был ранен на фронте и в Томск по ранению долечиваться приехал к родственникам. Здесь мы и познакомились, полюбили друг друга, еврейская девушка и русский Алеша. Я была согласна, отец – тоже, а община не разрешила за русского выходить. Папа против общины не пошел, тогда будешь изгой, Алеша подлечился, опять уехал на фронт и больше мы не

встречались, а я полюбить никого больше не смогла, однолюбка оказалась, все с Алешкой сравнивала и не в их пользу. В 1967 г. случайно на железнодорожном вокзале Томск I увидела старенького мужчину, седого, худого, сердце у меня екнуло. Сразу узнала его. Это мой Алеша! Он меня узнал не сразу. Поговорили, поплакали, у него семья, внуки... Так и разошлись, поезд ушел, время упущено, а все проклятая община, из-за нее так одна и прожила. Он в 1967 г. в Томске проездом был.

Я тоже училась на курсах телефонисток, жили мы хорошо. Родители дружили с Кухтеринными, Второвыми, Фуксманами, Некрасовыми. Знали мы и Юровских. Младший Юровский, его на фронт в империалистическую взяли, но он не долго там был, вернулся в Томск и на Обрубке, где 39 ПТУ теперь открыл магазин, пирожное изготавливали и продавали они. Он даже в гражданскую в Харбин ездил за какими-то добавками для пирожных, красители какие-то, ему гражданская ни почем была. Да, это брат родной того революционера Юровского, который царя расстреливал. Его к следователю при Колчаковской власти привлекали по убийству Царя, но он был не причем, за брата не отвечает. Откуда его знала? Так еврей же он. Мы друг о друге все знали, Томские евреи.

Кухтерины много полезного сделали для Томска, дома жилые, больницы, церкви строили. Спичечная фабрика у них была, мельницы. Часть мельниц принадлежала Кухтерину, часть Фуксманам. Кухтерены были домовладельцы, многие Томичи в их домах жили, вообще благотворительность вели. В 1914 г. сын Евграфа Кухтерина, Иннокентием вроде звали, гуляли в ресторане „Европа“. Они вообще любили шикануть и попьанствовать. Европа, это где теперь гостиница на остановке „Главпочта“, а там офицеры тоже гуляли, ну выпили уже крепко, а один офицер предложил тост за русскую армию, которая с германцами воюет и чтобы все выпили за этот тост, а Иннокентий отказался, мол не буду, она никчемная, ее немцы где-то там разбили. Ну, вышел скандал, Кухтерин сорвал с этого офицера погон, а тот в него из револьвера выстрелил и ранил смертельно, а Алеша Кухтерин в 30 году в Томской тюрьме служил, начальником изолятора. Вот такие своеобразные люди они были, а у них тоже все отобрала Советская власть.

Самый богатый в городе человек был, конечно, Фуксман, но он и его семья богатства не афишировали, мы семьями дружили, а сын у них был немного старше меня. У них тоже все поотобрали, но много чего они спрятали. Молодой Фуксман бывало в 20-х годах в ресторане гуляет, выйдет на улицу, а грязь кругом, асфальта же не было, только вдоль улицы деревянные тротуары, а он во всем белом: костюм, шляпа, штиблеты и даже перчатки белые. Вот выйдет на улицу, деньги из карманов достает и россыпью в грязь их кидает, а люди знали, что он такой щедрый, в грязь бросаются, собирают их, пихают друг друга,

вместе с грязью по карманам распахивают, а он смеется и еще кидает. Его потом ЧК забрала.

Надо сказать, что Томская ЧК, а во главе ее Берман Матвей стоял, еврей тоже, но евреев не любил. В середине 20-х годов ЧК стало арестовывать томских евреев, считали, что у них золота много припрятано. Вот это золото из них и вытряхивали. Папа положил в чемодан золотых часов и цепочек, чтобы мой старший брат с ними уезжал из Томска, брат уехал, но его арестовали в Минусинске и в Томскую ГПУ привезли. Тогда же и отца арестовали, все золото трясли, они говорили, что ничего нет, тогда и меня ГПУ арестовало и посадило в тюрьму, а отцу сказали, что если не отдадим, то его и брата расстреляют, а меня изнасилуют. Папа сказал, что и где у нас спрятано. В общем, золото у нас забрали, а нас выпустили. В Томском ЧК – ГПУ много тогда евреев работало, вот они и трясли, а Берман – зверь был. Из дома нас выгнали, семья – кто куда, родители вскоре умерли, а меня пустила на квартиру Клавдия Андреевна. Подружились и вот так уже много десятилетий живем вместе, спасибо Клавке, спасла она меня, но тюрьма та, Бермановская, как страшный сон.

В гражданскую, некоторое время в варьете работала, потом ушла, не понравилось. В 30-е годы был у меня рак, операцию сделали, до сих пор живу.

А золото? Золото и серебро у нас не все забрали, не все нашли, уже здесь, на Татарском, в усадьбе, уже мы с Клашей кое-что запрятали, туда, ближе к складам театра. Сосед однажды нашел банку с серебряными вилками, ножами, но мы не расстроились, все равно ему не на пользу. Запрятали так, кое-что, два пуда будет, столовое серебро, золото, украшения: моей семьи и Клашиной. На месте одном, дом построили, усадьба же большая была, не то, что сейчас. Мне все это золото – серебро ни к чему, да я и забыла где. Не надо мне это. Клаша умерла и мне это не надо. А все у меня было, и часики золотые и сережки ...

Со слов Коротковой К. А., Бухгалтер Л. Ю.
записал Девянин С. А. 1979, 1986 гг. г. Томск.

В 1908 г. на пер. Татарский 4 проживал Цыганов Михаил Павлович, томский мещанин, 50 лет. У него жена Марина Анатольевна, 42 лет.¹

¹ ГАТО. Ф. Ф. – 104, л. 2, д. 3660^а с. 14.